ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук Павлова Алексея Сергеевича на тему:
«“Новое мистерианство” Колина Макгинна»
по специальности 09.00.03 – «История философии»

Актуальность исследования. Актуальность настоящего исследования заключается в том, что мистерианство – оригинальный подход к решению проблемы сознание-тело, который до настоящего времени не был в достаточной степени изучен в отечественной историко-философской литературе. Это же можно сказать о философии К. Макгинна в целом, включающую интересные работы по этике, философии науки, философии кино и др. Тем не менее, всемирную известность он действительно получил преимущественно благодаря своей мистерианской позиции по вопросу о разрешимости психофизической проблемы. Поэтому её выбор А.С. Павловым в качестве предмета своего исследования полностью оправдан. В этом качестве диссертационная работа может стать достойным пополнением серии отечественных историко-философских исследований, посвящённых актуальным идеям в современной аналитической философии сознания.

Анализ основного содержания диссертации. Первая глава диссертационного исследования, как это следует из её названия, посвящена методологическим принципам мистерианства. Однако начинается она с биографического очерка, раскрывающего подробности жизни Макгинна и его пути как академического философа. Это решение может показаться необычным, но на деле помещает исследование в живой историко-философский контекст и помогает лучше понять генезис рассматриваемой концепции. Возможно, биографический очерк стоило отделить от вопросов методологии, но это замечание не является критичным. Далее автор диссертации переходит к обсуждению понятия философского натурализма. В этом не менее пространном параграфе сначала производится разграничение

онтологического и методологического аспектов натурализма, а потом рассматриваются отдельные компоненты каждого из них. В содержание онтологического натурализма автором включаются такие концепции, как физикализм, метафизический реализм и эволюционизм. В свою очередь, рассмотрение методологического аспекта ведётся в свете методологического натурализма У.В.О. Куайна, сформировавшего, по мнению А.С. Павлова, мировоззрение многих современных философов-натуралистов, и в том числе Макгинна. Много внимания уделяется сторонним, но в той или иной степени связанным с макгинновской аргументацией идеям и концепциям: а именно, истолкованной в эволюционистском ключе модульной теории сознания Д. Фодора, теории когнитивных искажений Д. Канемана и А. Тверски и др. Осуществив короткий, но важный экскурс в плоскость историко-философских влияний мистерианства и продемонстрировав широкую историко-философскую эрудицию, А.С. Павлов переходит к рассмотрению разрабатываемого Макгинном трансцендентального натурализма. Автор сразу же подчёркивает, что эту концепцию не следует путать с трансцендентализмом И. Канта, поскольку, несмотря на определённое сходство в делаемых выводах, оба философа придерживаются принципиально различных онтологических «картин мира». Я вернусь к этому тезису в замечаниях. Затем последовательно анализируются отдельные компоненты методологии трансцендентального натурализма: тезис искажения и тезис замкнутости, понятия эпистемически недоступной вещи, CALM–гипотезы и DIME–формы. Особенно интересной представляется отстаиваемая Макгинном позиция метафилософского пессимизма – позиция, очень удачно названная А.С. Павловым, поскольку у самого американского философа этого термина нет.

Вторая глава диссертационного исследования посвящена самому мистерианскому подходу к решению проблемы сознание-тело. Здесь также не обходится без подробных экскурсов в историю англо-американской философии второй половины XX в. Прежде, чем перейти к аргументации

Макгинна, А.С. Павлов кратко обозначает те философские позиции, которые американский мыслитель пытается оспорить. Дело не ограничивается одними лишь материализмом и дуализмом. Среди прочего в поле внимания Макгинна попадают популярные разновидности панпсихизма. Он дополняет их творчески сконструированными теоретическими «соломенными чучелами», которые успешно разбивает в ходе различных мысленных экспериментов. Среди таких конструкций – гипердуализм и глобальный ментализм.

После этого А.С. Павлов даёт общую характеристику того, как проблема сознание-тело понимается в сочинениях К. Макгинна, и подробно анализирует основные моменты мистерианской аргументации: сильный тезис когнитивной замкнутости, аргумент по аналогии, позицию широкого физикализма, тезис когнитивной взаимозамкнутости базовых режимов осведомлённости и др. В заключении главы автором делаются выводы об особенностях развития мистерианской философии. В частности, вполне убедительно обосновывается одно из выносимых на защиту положений о том, что разработка мистерианства осуществляется при помощи введения дополнительных гипотез, призванных подкрепить обоснованность сильного тезиса когнитивной замкнутости.

Третья глава диссертационного исследования раскрывает полемику вокруг мистерианского подхода к решению психофизической проблемы. В частности, приводятся известные антимистерианские возражения Д. Деннета, Ю. Кригела, Д. Столджара, Д. Принса, М. Влерика и М. Боудри и др.

В заключении автором артикулируются основные выводы диссертационного исследования, высказываются оценки и предположения о перспективах мистерианского подхода в философии сознания.

Оценка работы. Диссертация А.С. Павлова является цельным, глубоким, продуманным исследованием, предоставляющим русскоязычному читателю практически исчерпывающее представление о мистерианском подходе К. Макгинна. Оно адресовано не только узким специалистам, но и

всем интересующимся актуальными дискуссиями по вопросам о природе сознания и его отношений с физическим миром. Автор приводит достаточное количество цитат и подробно их анализирует. Все научные положения и выводы диссертационного исследования обоснованы и убедительны. К числу достоинств диссертации следует отнести ясность и строгость её языка, композиционную стройность. Научная новизна диссертационной работы А.С. Павлова состоит в том, что это первая работа на русском языке, в которой осуществляется систематический анализ мистерианства К. Макгинна.

Теоретическое значение диссертационного исследования заключается в том, что оно представляет собой первую на русском языке фундаментальную работу, посвящённую мистерианской философии К. Макгинна.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования продиктована тем, что оно, давая нам новый теоретико-концептуальный и методологический инструментарий, способствует проработке давних философских проблем и постановке новых.

Результаты исследования апробированы в выступлениях на научных конференциях. По теме диссертационного исследования автором опубликовано 4 статьи в журналах из списка ВАК.

Некоторые из выдвинутых в работе второстепенных тезисов вызывают вопросы. Прежде всего приходится отметить мистерианство А.С. Павлова в отношении мистерианства: содержание этого ключевого для работы понятия проясняется только на 72 странице, где раскрывается его этимология, а также то, почему мистерианство Макгинна является «новым», и каким было «старое» (как выясняет к своему удивлению читатель, оно существовало в гаражном роке). Не сразу проясняется и то, является ли мистерианство позицией строго в отношении проблемы сознание-тело, или имеет и иные предметы – опять, только на стр. 65 объясняется, что Макгинн декларирует его также в отношении свободы воли и тождества личности. Чуть выше, на стр. 63 впервые проясняется и важный вопрос о философских корнях и

сходных с мистерианством позициях (например, у Томаса Гексли и Габриэля Марселя). Вплоть до этих разъяснений читатель испытывает неведение относительно того, является ли мистерианство собственным изобретением Макгинна, узкой концепцией, либо более широкой методологической программой, имеющей историко-философский контекст и какое-то прошлое.

Квалификация мистерианства Макгинна как «сильного» имеет основания – он утверждает принципиальную неразрешимость, таинственность проблемы сознания-тела, в отличие от Хомски и Нагеля, для которых эта проблема лишь *может оказаться* неразрешимой. Но определение её как «сильной», как представляется, расходится с её характеристикой как «скептической» – пожалуй, скептиками являются Хомски и Нагель, в то время как Макгинн, отрицающий возможность теоретического разрешения проблемы сознания-тела, заслуживает звания агностика.

Вызывает сомнения тезис о том, что «не всякий натуралист – физикалист, однако всякий физикалист – натуралист» (с. 41). Оппонент не является специалистом по спекулятивному материализму Квентина Мейясу, однако может с некоторой уверенностью предположить, что его материализм можно представить как физикализм, а спекулятивный метод как альтернативу естественнонаучному натурализму. Если эта гипотеза имеет основания, то вторая часть процитированного тезиса является ложной. Первую же часть тезиса опровергает сам автор диссертации на стр. 54, где пишет: «натурализм имеет то следствие, что он фактически ограничивает нашу онтологическую картину мира – т.е. наше представление о том, что́ *есть*, – до объектно-предметной области естественных наук: а именно, до объектов и свойств, постулируемых в естественнонаучных теориях». Сказанное, на мой взгляд, означает, что из натуралистической методологической установки *следует* физикализм (либо сказанное является тавтологией).

Наконец, вызывает сомнение интерпретация Канта, сопоставление которой с позицией Макгинна позволяет автору диссертации заключить о «значительных расхождениях во взглядах обоих философов на природу нашего знания» (стр. 57). Философия Канта в диссертации представлена тем, что можно назвать «стандартной интерпретацией», в которой, цитируя работу: «феноменальное в известной мере аффектировано ноуменальным, однако не содержит в себе ни намёка на то, каково оно есть» (там же). Эту интерпретацию можно также назвать «буквалистской», поскольку она действительно опирается на целый ряд кантовских деклараций о непознаваемости вещей самих по себе. Однако в последние десятилетия стандартная интерпретация подвергается сомнению. С подачи упомянутого в работе Питера Стросона кантовские интенции и декларации отделяются от его фактических аргументов и их результатов, номинальное от реального, кантовское должное от кантовского же сущего, что позволяет в некоторой мере спасти *философию* Канта от *мировоззрения* Канта, и прежде всего разрешить пресловутую проблему ноуменального аффицирования (ноуменальной аффектации, ноуменальной каузальности) именно в натуралистическом ключе, дав трансцендентальному идеализму трактовку, сходную с тем, что чуть позднее Колин Макгинн назвал трансцендентальным натурализмом.

Согласно этой интерпретации Кант является онтологическим монистом и эпистемологическим дуалистом, то есть демонстрирует, с одной стороны, единство и каузальную замкнутость природы и имманентность субъекта, имеющего какие-то проявляющиеся в опыте субъективно необходимые характеристики, с другой стороны, дуализм субъективно познаваемого и непознаваемого, продиктованный теми же самыми субъективно необходимыми, априорными параметрами сознания. Таким образом, неполнота знания, «таинственность» известного ряда проблем, представленных идеями разума, сочетается в кантовской философии с признанием онтологического единства и явленности реальности. Нет *двух*

миров, явлений и вещей самих по себе, но есть *два взгляда* на мир – наш действительный взгляд, и совершенно неопределённый, но теоретически возможный взгляд существ, свободных от наших эпистемических ограничений. В этой концепции также можно допустить гипотезу о других существах и их взглядах, ограниченных иным способом, чем наш – подобно тому, как это делает Макгинн.

Эта альтернативная трактовка трансцендентального идеализма эпизодически появляется в философии XIX века в виде догадки, получает более подробную разработку от упомянутого в диссертации Питера Стросона в середине 1960-х (Стросон её отвергает как текстуально некорректную), а со следующего десятилетия обретает немало сторонников в аналитическом кантианстве и за его пределами. Эти аргументы подкрепляют и развивают тезис о сходстве мистерианства Макгинна с кантианством, высказанный В.В. Васильевым.

Справедливости ради следует ещё раз подчеркнуть, что вопрос о ноуменальном аффицировании у Канта не является решённым, и автор диссертации, обращаясь к этой непервостепенной для своего исследования проблеме, вправе опираться на существующую и, вероятно, по-прежнему самую распространённую интерпретацию.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 09.00.03 – «История философии» (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Павлов Алексей Сергеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – «История философии».

Официальный оппонент:

доктор философских наук,
профессор Института гуманитарных наук
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта»
ЧАЛЫЙ Вадим Александрович

_____

12.11.2021

Контактные данные:

тел.: 7(952)0527801, e-mail: vadim.chaly@gmail.com

Специальность, по которой официальным оппонентом

защищена диссертация:

09.00.03 – История философии

Адрес места работы:

236016, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14,
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», Институт гуманитарных наук
Тел.:+74012595595; e-mail: vchaly@kantiana.ru

Подпись сотрудника ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» В.А. Чалого удостоверяю:

кадровый работник _____

12.11.2021